

НАД УСЛОВНОЙ ЧЕРТОЙ ГОРИЗОНТА

Поэтический
сборник
литобъединения
Галины Сергеевны
Гампер

Коллектив авторов

Над условной чертой горизонта

«Геликон Плюс»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

авторов К.

Над условной чертой горизонта / К. авторов — «Геликон Плюс»,
2015

Этой книгой, сборником стихотворений разных авторов, отмечается 12-летие существования литературного объединения «Четверг. Вечер» под руководством Галины Гампер. Помимо основных участников в книге представлены и дебютанты ЛИТО.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© авторов К., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Галина Гампер	7
Натюрморт	8
«Болю выдолблена так душа моя...»	9
«Талант поэта лишь загромождаёт...»	10
«Кружение сердца – вот танец, доступный и мне...»	11
«Пусть забыли нас, пусть обидели...»	12
«Смеркалось день переходил в сиянье...»	13
Калерия Соколова	14
«Ещё раз подумай: зачем я тебе нужна?...»	15
«Ни с чем не сравнимое чувство начала...»	16
«Пока ты вернёшься, я выучу три языка...»	17
К чёрту	18
Красавице	19
«Поссорились так глупо – из-за быта...»	20
Песенка	21
Прозрачен наш осенний Петергоф	22
Июньская девочка	23
Боре, капитану волейбольной команды	24
Романс	25
Крепость	26
Юрий Романов	27
Запятые	28
Усталые рифмы	29
«Надломились слова. Застыли...»	30
Мёртвая царевна	31
«Февраль. Достать чернил забуду...»	33
«Пружины вылетающие нот...»	34
«Не муж, не любовник...»	35
«Не нужен день, и ночи мне не надо...»	36
Алёна Малиновских	37
Зверь	38
«Стекло дрожит под каплями дождя...»	39
«Немыслимо. Невыносимо. Страшно...»	40
Метро	41
«Как марку, в свой альбом я вклею этот день...»	42
«В подсвеченных окнах чьи-то жизни идут по кругу...»	43
Николай Неронов	44
Микросхема	45
«Мне так понравилось, что можно...»	46
«На таком плато широком...»	47
Сталкер	48
Ольга Анисеева	49
Тишина	50
Туман	51
Летаргия	52
Крымская ночь	53

Ноябрьский сплин	54
«В тишину, в тишину... В эту сизую дымку деревьев...»	55
Виталий Нестеренко	56
«Вот крестик, хочешь – поклянусь...»	58
«Сиреневый куст пробудился, броваст и глазаст...»	59
Ясновельможный возлюбленный пан,	60
Прошлогодний, замаранный сажею	61
Бабочка сникла в эфирном бессилье,	62
Пропустила мимо ушей,	63
Ты – будешь пеночкой,	64
Хотелось плакать	65
Им нужен бог,	66
Кривой забор красивее прямого	67
Каждая кухарка может управлять государством...	68
Толпы иуд	69
Пьеса	70
Нина Агафонова	71
Поездка за город	72
Мне с тобой, как ветру в поле	73
Прекрасен дождь в ночи!	74
Олег Ильин	75
Окуная перо в инфернальную кровь	76
Письмо	77
Искренне Ваш, с позволения Юпитера, Бык	78
Вороны каркали	79
Унеси меня вдаль	80
Вот фарфоровая кукла	81
Мы кормим рыб у кромки водоёма	82
Лене Бородулиной	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Над условной чертой горизонта

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

© Авторы, 2015

© «Геликон Плюс», 2015

Галина Гампер

Галина Сергеевна Гампер (1940–2015) родилась в г. Павловске. Окончила ЛГУ им. А. А. Жданова. Автор одиннадцати поэтических сборников, книги «Дух сам себе отчизна» (1996, романизированная биография Перси Б. Шелли), переводов с английского Перси Б. Шелли, Йетса, Бёрнса, Дж. Китса, современных английских и американских поэтов.

Была удостоена многочисленных наград, в том числе: премия Санкт-Петербургского ПЕН-клуба в номинации «Поэзия» (1998), звание «Женщина года» (2002, Оксфорд, Великобритания), премия им. А. Ахматовой (2004), медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2009), грамота губернатора Санкт-Петербурга «За большой личный вклад в развитие культуры и искусства Санкт-Петербурга и яркую творческую индивидуальность» (2010), премия Правительства Санкт-Петербурга (2011). Более десяти лет руководила литобъединением молодых поэтов при Союзе писателей СПб, состояла в ПЕН-клубе, Союзе писателей СПб и Союзе российских писателей, в СПб отделении мемориала «Знак искупления».

Натюрморт

Одинокое яблоко,
фон в амбразуре окна —
Грязно-снежный, глухой,
жестяное дворовое донце.
Приближенье Адама,
рывок, натянулась блесна,
Под условной чертой горизонта
затеplилось солнце.
Ожиданье, начало,
высоко натянутый трос...
Ожиданье. Лишь им
и держусь на плаву да на взлёте,
Напряженьем его —
в амплитуде от смеха до слёз —
На предельной
ликующей или отчаянной ноте.
Было яблоко, вырос,
я и не заметила, сад
И зацвёл и отцвёл...
Я очнулась, пройдя переплавку.
Кисти мою и краски ищу,
возвращаюсь назад,
Ставлю яблоко. Так.
И на яблоко делаю ставку.

«Болью выдолблена так душа моя...»

Болью выдолблена
 так душа моя,
Будто лёгкая пирога
 из ствола.
Захочу – и уплыву я
 в те края,
Где не надо мне
 ни крова, ни стола,
Ни постели,
 ни любимого в постель,
Ничего, как в чистом поле,
 ничего...
Только стружкой
 завивается метель
Где-то прямо
 возле сердца моего.
Длинно, длинно,
 длинно тянется строка,
И слова
 острее лезвий ножевых!
Сквозь меня теперь
 проходят облака,
Столько перистых
 и столько кучевых.

«Талант поэта лишь загромождает...»

Талант поэта
 лишь загромождает
Семейный дом
 и раздражает близких
Нелепой неуместностью в быту.
Многоугольно-хрупкое
 создание —
Ни в угол ни поставишь,
 никуда.
И всё ему чего-то надо, надо —
То тишины, то шума,
 то любви...
Но нет пророка
 в собственном дому.
Ни мать родная,
 ни сестра, ни муж —
Пенсионер,
 заслуженный бухгалтер,
Зам, зав – чего неведомо. Никто
Собою не поступится,
 а после —
Дантес, интриги,
 Натали, Судьба,
Эпоха, царь —
 не всё ли нам равно,
Как это будет после называться.

«Кружение сердца – вот танец, доступный и мне...»

Валерию Бассу

Кружение сердца —
вот танец, доступный и мне.
120 в минуту...
шажка, поворота, удара,
Ну что же, как йоги
станцуем на голом огне,
Уйдём в невесомость
весёлыми кольцами пара.

Да, лишь невесомость
кружению сердца сродни.
Я в танце,
о чудо, я в самой его сердцевине.
Ты перышко времени
сдуй с меня, милый, стряхни,
И сбросим тела,
что когда-то исполнены в глине.

«Пусть забыли нас, пусть обидели...»

Пусть забыли нас, пусть обидели,
Пусть шуршит под берегом спелый лёд,
В храме снег идёт, вы же видели,
В храме медленно снег идёт.

Хлопья виснут здесь, как зачатые,
А иконы в инее, как в гробу,
Души маются незачатые,
Хоть какую бы да судьбу

Каждой, жаждущей воплощения
На неведомом ей пути,
В храме – снежное опустение,
Нас за это, Господь, прости.

«Смеркалось день переходил в сиянье...»

Смеркалось,
 день переходил в сиянье
Луны
 сквозь воздух хрупкий, как стекло.
Веками обжитое мира зданье
Не торопило возвращать тепло.
Не ведая про скорую разлуку,
Мы спали,
 не уняв счастливых слёз...
И вот, как в воду, погружаюсь в муку.
И мыслей не собрать —
 все врозь, вразброс.
Боль сатанеет, забирает круче,
Взлетает ввысь,
 под купол голубой.
Сама с собою говорю как будто,
А кажется,
 что говорю с тобой...

Калерия Соколова

Родилась в 1992 году в Санкт-Петербурге. Публиковалась в журналах «Звезда», «Нева», «Северная Аврора», «Аврора», в серии сборников «Четверг. Вечер» и других. Лауреат многих поэтических премий. Член СП Санкт-Петербурга.

«Ещё раз подумай: зачем я тебе нужна?..»

Ещё раз подумай:

зачем я

тебе

нужна?

Я буду плохая мать, плохая жена,

Целованная не одним десятком губ,

Не любящая – рубящая: не люб.

Подумай: привычная клятвам моя рука

Трофеи брала – слёзы лётчика, моряка

Затем, чтобы лучшие души нести в горсти

И чувствами этими лучшими мир спасти.

Но если однажды без ног приползу, без рук,

Без рта, что был нежен, без стана, что был упруг,

Без локонов этих, без совести, без крыла

К тебе – ты один не скажешь:

зачем

пришла?

«Ни с чем не сравнимое чувство начала...»

Ни с чем не сравнимое чувство начала влюблённости:
Ты в мыслях рисуешь все чёрточки, мелочи, тонкости,

Всё хочешь представить его поцелуи, объятия,
Не помнишь, о чём только что сообщили по радио,

Примеришь то платье, то кофту, не глядя, а впору ли,
С улыбкой бредёшь, чуть ли не попадая под «скорую»,

Желаешь здоровья всегда хамоватой уборщице,
Кладёшь ложку соли в свой чай, залпом пьёшь
и не морщишься,

И, главное, не замечаешь ни в чём монотонности.
Любви грандиозней порою начало влюблённости.

«Пока ты вернёшься, я выучу три языка...»

Пока ты вернёшься, я выучу три языка,
Плутарха дочту, философией нос запылю,
Я Грига всего разыграю и весь ХТК,
Я стану умнее тебя – и тогда разлюблю.

Пока ты вернёшься, я восемь десятков подряд
Отжаться от пола на пальцах однажды смогу,
Бежать марафонскую так, словно чёрт мне не брат,
Я буду сильнее – и от этой любви убегу.

Пока ты вернёшься, я стану добрей и мудрей,
Я нищенкой сделаюсь в наинищайшей стране —
Пока ты придёшь из-за трижды проклятых морей.
Я стану пророком, пока ты вернёшься ко мне.

Пока ты вернёшься, я даже, пожалуй, умру.
Когда же вернёшься, в наш Зеленогорск загляни,
Ты незачем мне, но постой пять минут на ветру —
Кудрявую ель на могиле плечом заслони.

К чёрту

Нет смысла ждать, и догонять – нет смысла.
Я больше не готовлюсь к февралю.
С другими провожу
 семнадцатые числа.
Целую всех: пусть думают – люблю.

По-холостяцки запросто милуюсь,
Беснуюсь без ветрил и без руля,
Шлю к бесу профиль твой
 и лица наших улиц,
Семнадцатое – к бесу – февраля.

Не жду, не догоняю, не надеюсь,
Не бьюсь в божбе, не верю ворожбе.
Я думала послать
 всё к чёрту, а на деле —
Ты дьявол сам. Пошли меня к себе.

Красавице

Тебе под силу жизни их ломать —
Тех, что в сердцах оружием бряцали.
Но ты, как бессердечный дипломат,
Жонглируешь сражёнными сердцами.

И каждый ходит лёгок и лучист
И празднует своё единовластье.
А ты, жестокий логик и логист,
Для всякого найдёшь и час, и счастье.

Как бабочек, прокалываешь, жжёшь
И сушишь. Без возможности реванша
Играешь с ними в длительную ложь,
Азартная скупая донжуанша.

А бабочки слетелись на ловца
И сохнут на игле в лучах светила.
Зачем тебе их мёртвые тельца,
Когда ты и живых-то не любила?

«Поссорились так глупо – из-за быта...»

Поссорились так глупо – из-за быта.
И будь неладна – раз неладно сшита —
Моя с тобою жизнь! Гнездо не свито —
Течёт, как сито,

Сырым осенним днём. А что – в метели?
В другую жизнь из птичьей мы влетели,
Где вместе нам не выжить в чёрном теле.
Скажи, не все ли

Я способы создания уюта
Перебрала, но стынет почему-то
Очаг наш, и сквозит ночами люто.
И я бегу.

С седьмого неба – до седьмого пота.
Не спеться птицам разного полёта:
Тебе бы лебединого кого-то,
А мне – ку-ку.

Песенка

*В том краю далёком
Буду тебе сестрой.*

Народная песня

Хочешь, буду тебе сестрой
В том краю на краю земли.
Лишь бы мы с тобой – так устрой —
Целоваться бы не могли.

Хочешь, буду тебе чужой
В той стране, где и враг – родня.
Но, смотри, не криви душой:
Не люби, не ревнуй меня.

Только песня как мир стара
И заношена, как мошна.
Миленький! Я ничья сестра
И кому не нужна – жена.

Прозрачен наш осенний Петергоф

Прозрачен наш осенний Петергоф.
Английской речи, сутолоки, плеска,
Шутих не слышно, шороха шагов.
А мы шумим безудержно и дерзко.

Что осень нам? Прищурившись слегка,
Играя и любуясь этим светом,
Жить так светло и весело поэтам!
И вместе нам не больше сорока,
Когда бы мы задумались об этом.

Июньская девочка

Надежде Июневой, девочке, найденной в кусте сирени, приёмной дочери Александра Штиглица и супруге Александра Половцова

Июньская девочка, что весела и нежна, —
Надежда июньская. Из-под отцовского крова
Была по наследству, бесценная, передана
Из рук одного Александра ты в руки другого.

Надёжные руки, которым поддержка одна
Потребна: твой взгляд, твой кивок,
одобрительный возглас.
Ты только люби их, ты будь весела и нежна,
Храни эти души, куда ты нечаянно вторглась.

И два Александра сияют десятками лет,
Могучи, что скалы, и ты — лучезарная — между,
И строят, и жертвуют, веря в твой нежный привет,
Надеясь: хотя бы твою оправдают надежду.

Боре, капитану волейбольной команды

Ты был так нескладно высок и не в меру смешлив.
Не верю, что даже и смех этот канул в залив.

Не верю, что властен над Борей балтийский борей,
Схватившийся вдруг с капитаном командных морей.

Из той черноты чёрным глазом мигни, не молчи:
Какие там в моде – всё те же ли? – нынче мячи,

Всё так же ль бояться подачи твоей, как огня?
И кто там пасует на «взлёт» тебе вместо меня?

А пятеро нас по-сиротски остались играть,
А в зал на пылинках спускается солнце опять,

В беззвучной безмерной улыбке спускается вниз —
На то, на пустое, блестящее место, Борис.

Едва оттолкнувшись от пола, возносится ввысь.
Уже улетаешь? За нас, за земных, помолись.

И скоро ты снова сумеешь команду собрать:
Полвека – не больше – и будем все вместе опять.

Романс

Поздно. Порознь. Проще – брось же
Притворяться: мы не любим.
За мои романсы больше
Не бросай монеты в бубен.

Будет. Будущие будни
Без тебя уже маячат.
Из своих паучьих пут не
Отпускаешь – жаден, значит?

Сжался. Новым следуй устьем,
Словно ялик – независим.
Только всё же вечер грустен
Без твоих обидных писем.

Крепость

В детстве снега было много, много.
В декабре мы вылепили крепость.
Рассудили: на крутой горе пусть
Высится – огромна, круглобока.

Каждый день мы думали с тревогой:
Как там крепость? Каждый день мы шли к ней.
И она от новогодних ливней
Весь апрель не делалась пологой.

Всё никак не выбраться в тот лес нам,
Всё не выбрать день, погоду, повод.
– И зачем? – подсказывает опыт.

Каждый занят нужным и полезным.
Главное, что снега стало мало,
Кажется, почти совсем не стало.

Юрий Романов

Родился 4 декабря 1970 г. в Санкт-Петербурге.

Первая публикация в 1997 г. в книге стихов «Ноктюрн». Параллельно посещал другие литобъединения.

В 2003 г. вышла отдельная книга стихов «Самка богомола».

Публиковался в альманахе «Изящная словесность».

Запятые

I

Корми, корми свою голубку
зерном чернильных запятых.
Забей, забей словами трубку.
Связь телефонную,
Святых
 всех призови, моля о встрече.
Чертить по городу круги —
шаги по правой части речи
от лево-бережной руки.

II

Дождь доживает до камней —
Им так нужна его прохлада,
Что он становится сильней,
Как будто он спешит куда-то.
Стою под куполом зонта
Под запятые стих толкая,
Но рифма всё-таки не та.
И не со мною та, другая.

III

«Ты в городе, где вместо голубей»
Зерно чернил расклёвывают звезды.
Морскую милю впитывают версты,
И тишина становится грубей
 на ощупь.
И полшага не пройти,
Чтоб не задеть соленость океана.
Здесь не рассчитывай на вежливость
 тумана.
И словом SOS от боли не спасти.

Усталые рифмы

Не читаю теперь, не считаю
Я бумаги желтеющей строк,
Я кораблики с дочкой пускаю
По курсиву апрельскому вод.

И не складно теперь, и не ладно,
И кораблик – не Ноев ковчег:
Тонет, тонет, и рифмой усталой
Тает, тает чернеющий снег.

«Надломились слова. Застыли...»

«Надломились слова. Застыли...»¹
Между нами молчанье выужит,
В горле голос сдавило или
От обиды всё стало уже:
И пространство, и тень любимой,
Эсэмэсок озябших почерк.
В нашей связи – теперь мобильной —
В каждой букве хватает точек...

¹ Из стихотворения Елены Качаровской

Мёртвая царевна

Екатерине Романовой

I

Не вытянув и строчки из меня,
Рассорились бумага и чернила.
Не оседлав крылатого коня,
Я удила меняю на удила.

Но рыбка промолчала. Уплыла.
И сети рвет акула-каракула.
И яблоко виной или игла,
Но муза умерла или...
уснула.

II

А ты сейчас, наверно, у семи.
У ветра я выпрашивал дорогу.
Да, прав он, прав, и – чёрт его возьми! —
Кого теперь кричать мне на подмогу?
Ведь это не Яга и не Кощей,
И заяц в сундуке мне не поможет
От взгляда, что молчания
сильней,
От скорби, проступающей на коже.

III

Никому. Ничего.
В тесноте хрустала
Я лица твоего
Не узнаю. Скуля
Под иглой граммофона
Еле слышно: «Мертва».
Только губ целованье
Здесь поможет едва.

И бежал бы отсюда

До живой красоты,
Раз ни веры, ни чуда
В отголосках беды.

Но не вырвать молчанье
Из твоей белизны.
Только гроба качанье,
Только звенья вины.

«Февраль. Достать чернил забуду...»

К. Г.

Февраль. Достать чернил забуду.
Всё на местах своих оставлю.
Бумаг бледнеющую груду
Кусками льда оставлю Каю.

Пусть посылает origami
Воздушно-капельные Герде,
Испишет небо журавлями
Без адресата на конверте.

«Пружины вылетающие нот...»

Пружины вылетающие нот,
Удар ключом скрипичным об асфальт.
И затуманил фугами фагот
Разбрызганный по тротуару альт.

И где искать мне нотную тетрадь —
Ту, из которой выдраны листы?
И нот не досчитаться — только пять,
И где теперь две ноты — «Я» и «Ты»?

Разбросаны, не попадают в такт,
Синкопы и октава из разлук,
И пауза, затянутая так,
Что не почувствовать
ни губ твоих, ни рук.

«Не муж, не любовник...»

Не муж, не любовник,
Маратель бумаг.
Но сей треугольник
Не впишешь никак
Ни в круг, ни в квадраты
Домов и квартир,
Ни в соты-палаты
Больницы. До дыр
Стирай его грани,
Вершины дели.
Мы зацеловали
Июльские дни.

«Не нужен день, и ночи мне не надо...»

Губы-ямбы, глаза-рефрены.
Мария Агапова

Не нужен день, и ночи мне не надо,
И голоса отчаянного хрип,
Чтобы понять, и ни при чем досада,
В какую же историю я влип.
В ней губы-ямбы, а глаза – рефрены,
Распахнутая дольниками речь,
И поцелуй-рифмы впились в вены —
Ни верности, ни веры не сберечь.

Алёна Малиновских

Родилась в г. Новгороде (ныне Новгород Великий). В 2006 г. переехала в г. Санкт-Петербург. Закончила Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения по специальности «Продюсерство».

Публикации в газете «Вечерний Петербург», журнале «Юность», «Невском альманахе» и др.

Зверь

Стол, кровать и дверь
да углов квартет...
Словно битый зверь
в клетке много лет.
Каждый новый день,
каждый долгий час,
ненавижу тень,
Что пустилась в пляс.
Солнце полный круг
завершит – и спать.
Ночью воздух туг,
не уснуть опять.
Тень исчезнет. Вновь
утром я начну,
как ни прекословь,
нашу с ней войну.
Я, как битый зверь,
в этой клетке мру —
не открыть мне дверь,
не сломать игру.

«Стекло дрожит под каплями дождя...»

Стекло дрожит под каплями дождя,
окно – как выход в параллельный мир
из этой страшной чехарды квартир,
в которых умираешь, приходя.

Дрожит рука, и кажется, что нет
Ни грамма смысла верить в чудеса.
С восторгом забываю адреса
Рассыпавшихся в прах чужих планет.

И с проседью волна моих волос...
Таить её. Не видеть бы самой!
Железной птицей тороплюсь домой,
но не найти подсвеченных полос...

«Немыслимо. Невыносимо. Страшно...»

Немыслимо. Невыносимо. Страшно.
Как отсвет догорающего дома,
в котором было всё тебе знакомо
и жизнь твоя сверкала днём вчерашним.

В ладонях греешь ты остатки пепла,
но он упрямо сыплется сквозь пальцы.
А ты теперь бездомным стал скитальцем,
И, кажется, твои глаза ослепли.

На паперти ты проклинаешь лихо
мироустройство, и судьбу, и случай,
но голос твой неслышен, он беззвучен.
Он растворился в городе безликом.

Метро

В тоннелях метрополитена
отрывками мерцают голоса,
несутся поезда в подземных венах
и разъедает темнота глаза.

И сбитое дыхание ритмом
стучит в висках под тяжестью глубин,
а рельсы-полосы опасной бритвой
кромсают желоба колёсных спин.

И мнимой силой награждая
подкожный мир центральных городов,
метро, вдыхая жизнь в них, ожидает,
не в силах вырваться из проводов.

«Как марку, в свой альбом я вклею этот день...»

Как марку, в свой альбом я вклею этот день,
событий небоскрёбы строя в город.
За ним идёт другой. Он – новая ступень.
На карте происшествий снова повод
отметить область обходных дорог,
что открывается по дням пред нами.
Но каждая ступень выводит на порог,
а каждый город может смыть цунами...

«В подсвеченных окнах чьи-то жизни идут по кругу...»

В подсвеченных окнах чьи-то жизни идут по кругу.
А я шуршу страницей с ненужным текстом,
и в этом городе порой становится слишком тесно.
Настолько, что чуешь на горле чужую руку.

Николай Неронов

Родился в Ленинграде в 1970 г.

Микросхема

Хотя бы что-нибудь большое
или тяжёлое, а то —
наваливаешься Левшой
и впаиваешь в решето
какую-то мадам Петрову
под бок такому же Петру
под грохот этот, шум портовый,
кровоточащий поутру.
Безрезультатно жалом тычешь
в расхлябанную колею —
вот так и слепнут сотни тысяч,
цепляясь к инобытию.

Но ей, мятежной, нет покоя —
пока отсутствует уют,
ничтожной капелькой припоя
опять к земле не прикуют.

«Мне так понравилось, что можно...»

Мне так понравилось, что можно
тебя в себе нарисовать,
отождествить неосторожно
и в губы так поцеловать,
что абсолютно не удастся
единый организм опять
на независимые царства
усильем воли разорвать.

«На таком плато широком...»

На таком плато широком
горизонт – неисчерпаем,
так широк, что ненароком
глубину его пронзаем
и выхватываем взглядом
исчезающие крохи,
кажется – настолько рядом,
что порежешься на вдохе.

Сталкер

С. Н.

Всю ночь ходил вокруг палатки
и ветки мелкие ломал,
под утро чай готовил сладкий
и сетовал: рюкзак твой мал.
Взвалив на плечи свой, огромный,
шёл через чащу напролом
и этим кабана напомнил
с обломанным в боку копьём,
которого хотели греки
от Калидона отогнать —
и получила на орехи
от вепря греческая знать.

Ольга Аникеева

Окончила ГУ Санкт-Петербурга по специальности «экономист». Работаю менеджером. Печаталась в альманахах «Зелёная среда», издаваемых издательством «Любавич» в Санкт-Петербурге, а также в альманахах «Окно», «Ижорские берега», «Невский альманах».

Тишина

Замедлив шаг, остановиться,
Не в спешке и не на бегу
Услышать, как вспорхнула птица,
Качнув камыш на берегу,
И в тишине заворожённой,
Пройдя по влажной лебеде,
Увидеть небо отражённым
В озёрной медленной воде.
С орбиты времени упругой
В него сорваться на часок,
И плыть, как облако над лугом,
От вечности на волосок...

Туман

Ну вот и всё. Ушли слова и жесты.
На улицах погасли фонари.
За облако обманутой невестой
Луна сбежала плакать до зари.
И стелется туман над Петербургом,
И дождь смывает краски не спеша.
И бродит по холодным переулкам
Моей когда-то бывшая душа.

Летаргия

Погружая в летаргию,
Теплый дождь, как влажный кокон,
Обволакивает нежно,
Я устало поддаюсь...
Улиц линии тугие
И провалы чёрных окон,
Время кругом центробежным...
Всё проходит? Ну и пусть.
Это, кажется, не страшно
И, наверное, не больно —
Отпуская в невесомость
Несуразную мечту,
Стать уже не бесшабашной,
А послушно и безвольно
Падать молча в полусонность,
А точнее – в пустоту...
Я проснусь ещё, быть может,
Через год или столетье,
Если лучик осторожно
Утром ляжет на плечо,
И опять под тонкой кожей
Отойдя от полусмерти,
Сердце сладко и тревожно
Будет биться горячо...

Крымская ночь

Тихо. Море полусонно
С галькой шепчется на пляже.
В полуабрисе балкона
Звёздный свет такой, что даже
Оседает на ресницах
И на мягких синих шторах.
Нам вдвоём с тобой не спится.
Южной ночи шелест, шорох,
Лунный блик на смуглой коже,
Обнажённость чувств и тела,
И плывёт на бриг похожий
Над землёй балкон наш белый...

Ноябрьский сплин

О, тоска ноября, с обнажённостью зябких деревьев,
С пустотою двора под косыми штрихами дождя,
Только ветер скулит, словно пёс перед запертой дверью
У сырого подъезда, дороги к теплу не найдя.
В монотонности дня от асфальта до серого неба —
Всё единый гризайль. Не хватает цветного пятна.
Где же буйство твоё, мой октябрь?
Канул, словно и не был.
Только холодность стен. Только сумрак в колодце окна...

«В тишину, в тишину... В эту сизую дымку деревьев...»

В тишину, в тишину... В эту сизую дымку деревьев,
В утончённость штрихов хрупких веток на фоне дождя.
В молчаливости дня только шелесту листьев доверить
Все печали свои, по осенней тропе уходя.
Не в глухую тоску – в одиночества чистые воды
Не спеша окунуть, чтобы стала мудрее душа,
Научилась любить неприютность ноябрьской погоды,
Горький искус рябин, льдистый солнечный блик в камышах.
Кто тебе обещал, что однажды ты станешь счастливой
И дойдёшь до весны, не склонив, не изранив колен?
Посмотри, на кусты: эти зябкие веточки живы
И готовы к зиме ради новых в себе перемен.

Виталий Нестеренко

Родился в 1962 году. Пишет стихи, прозу, пьесы. Публиковался в журналах и сборниках «Нева», «Четверг. Вечер», «Аничков мост» и других.

«Вот крестик, хочешь – поклянусь...»

Вот крестик, хочешь – поклянусь
Последней клятвой, клейкой?
Блаженством жалким обернусь,
Всплакну в ночи жалейкой.

Вот образок, в последний раз
Живой под смертным гнётом
Попробую здесь и сейчас
Забыть свои заботы.

Вот жизнь пропащая – как есть:
Вся – наспех, всё случайно,
Всё – месть за страх. И эта месть
Ни для кого не тайна.

Куда ни ткнусь – кресты, слова —
Без вести, ниоткуда.
Я сам – отнюдь не голова,
Гарнир с другого блюда.

Я поклянусь – а ты поверь
С улыбкою секундной:
Из всех обдуманных потерь
Была ты самой трудной.

Лукавство ветреной души
Любых божеств – главное.
Забудь о всех, для всех пляши,
Плясунья Саломея.

«Сиреневый куст пробудился, броваст и глазаст...»

Сиреневый куст пробудился, броваст и глазаст,
Хороший сосед, мне везёт на хороших соседей.
Зернисто блестит на припёке узорчатый наст,
Как лучшее лакомство, солнцем апрельским изъеден.
Деревья отходят от снов, в полушаге от сна,
Ещё не очнулись, но рябью подёрнулись веки.
Зелёным прозрачным дымком окатила весна
Подлесок, опушку и жертвенный край лесосеки.
Ни местных певцов, ни залётных не видно. В пути
Они задержались, скорее всего на подлёте.
Завидишь их, встанешь – и с места никак не сойти,
Пока не расслышишь их крики: «Здорово живёте!»
Взбирается солнце всё выше, на целый вершок,
В чистойшей плывёт бирюзе, и вокруг ни пушинки,
Ни облачка. В луже возник ниоткуда божок
Глазастый, прозрел головастик вертлявый в икринке.
И тельца-то нет, лишь большущий вбирающий зрак,
Рождён на дороге, на самой тропинке к сараю.
В полнеба скамейка над ним, отсыревший барак,
Назавтра замёрзнет к утру или... кто его знает.

Ясновельможный возлюбленный пан,

Ясновероятножый возлюбленный пан,
Смажь сапоги, отряхни свой жупан,
Деда папаху поглубже надень,
Брови насупь —
 рассветает твой день.
Ненависти вековое ружьё
Нежно сними, оботри с него пыль.
Выбери камень и место своё,
Тяжко вздохни во весь мир,
 во всю ширь.
Похорони себя,
Галицкий пан,
Шкуру спусти свою на барабан,
Сердце раздуй
 во всю грудь, во сто крат.
Станешь храбрей всех, бесстрашный солдат,
На сволочь штатскую стань непохожим,
С сердцем огромным воин без кожи.
Небо прольётся
 в дожде и в божбе,
Дивчина вспомнит во сне о тебе.
Семинарист отзовётся стихом.
Холм над тобой порастёт лопухом.

Прошлогодний, замаранный сажею

Прошлогодний, замаранный сажею
Снег потёк у крыльца, под стеной.
Будто Блок, пожираемый заживо,
По весне постаревший, больной,
Город вновь исхудал и обуглился.
Пепел выжженных душ сквозняки
Выдувают из комнат на улицу,
И летит он до самой реки.
Разветвляются вглубь червоточины,
Прожигают прожилки насквозь.
Клейкой чернью лоснятся обочины.
В небо тычется чёрная кость.
С почерневшими лицами встречные
Улыбаются ввысь, в никуда,
Избежали арктической вечности
В жуть крещенскую, в ночь, в холода.
С каждым днём им свободней, вольготнее.
Небо кормит теплом, калачом,
Испечённым на солнечной отмели.
Всё сытнее им, всё нипочем.

Бабочка сникла в эфирном бессилье,

Бабочка сникла в эфирном бессилье,
Не трепыхалась, спала, чуть живая.
Бабочке сонной отрезали крылья
Ровно под спинку,
 по самому краю.
На подорожник отложен обрубок.
Крыльев у ней оказалось четыре.
Эксперимент был научный
 сугубо,
Чтоб разобраться в божеском мире.
Чтоб рассмотреть слюдяные прожилки,
Вытерли, сдули пылицу,
 и под лупой
Корни крыла проступили, развилки,
Плётки, чешуйки рядами, уступом.
Точно у листьев.
Совсем не психея.
Грубым казалось сращение жил.
Кто же убил её, благоговей?
Кто-кто? Неважно.
Я и убил.
Воспоминанья счастливого детства,
Души и бабочки, ножницы, клей.
Время лоскутное – всё по соседству.
Что-то теперь вот почудилось
В ней.
Всюду мерещатся тайные знаки:
Рожки, реснички, в испуге глаза,
Шум белых крыльев, долгие взмахи.
Ей бы взлететь, но не выйдет,
 нельзя.
Жажда понять посильнее стремленья
Понятым быть.
С давних пор одному
Мне довелось препарировать время,
Души искал, но бездушным усну.

Пропустила мимо ушей,

Пропустила мимо ушей,
Не слушала, повернулась вполоборота.
Я мифы припоминал
О Дедале, Икаре, про Крит.
Не говорил об ощущении полёта,
Обещал – буду рядом,
Когда она не взлетит.

На склоне крутом, как на небосклоне,
 Лежала, откинувшись на спину,
 Не касалась ногами земли.
 На розоватой скале,
 На охристо-красном
 природы лоне
 Чем дальше, тем невесомей,
 Парила,
 разглядывала облачные корабли.

Отдельные девушки
мечтают о полётах
Всей душой.
От этого первая морщинка на челе.
Но взывают немногие
В иные лета, при иных заботах
И преимущественно на метле.

Ты – будешь пеночкой,

Ты – будешь пеночкой,
Ты – будешь коноплянкой.
А ты – таджичкою, смуглянкой-молдаванкой,
Ты штукатурить будешь
Или двор мести.
А я терзаться —
 как нас всех спасти.

Как увести прочь с нашего двора.
Уж осень, стынь, туман,
Безглазая пора.
Где силы взять,
Бессильный я дурак,
Для отражения панических атак?

В ползучей немощи,
Лишь силою привычки
Дышу в лицо
Упавшей птичке.

Хотелось плакать

Хотелось плакать
 неизвестно почему,
Такая несуразная слезливость,
 невнятная ни сердцу, ни уму,
Вдруг обозначилась,
 вдруг приключилась.
Я скверно говорю,
Неловкий сквернослов,
Посредством слов развеял жизнь-идею.
Был всякий раз рассеян,
 не готов.
И даже плакать толком не умею.

Им нужен бог,

Им нужен бог,
у них свои резоны,
Встают чуть свет и прячутся в окно,
Подсказки ищут,
смысла по сезону.
Бессмысленно, но так заведено.
Погода портится.
Минздрав предупреждает,
Замалчивая суть,
не говоря всего.
Летальность птичьей стайкой налетает
И принимает вас
за своего.

Кривой забор красивее прямого

Кривой забор красивее прямого.
Покраски давней облупилась шкурка.
Он клонится замедленно, сурово,
Как почерневший человек к окурку.
Он клонится годами к почве, к смерти.
Никто не слышит, как он долго стонет.
И как-то летом пацанята, черти,
Запрыгнув на него, совсем уронят.
Там, за забором, бабка Пелагея
Хранит в себе великую эпоху.
Забор дощатый свалится скорее,
Уляжется в канаву на осоку.

Каждая кухарка может управлять государством...

Каждая кухарка может управлять государством...

Шесть кухарок отборных,

 шесть ражих стряпух

Колдовали по очереди надо мной.

Воцарялись на кухне. Котлеты от мух

Отделяли.

Одна была краше другой.

Сочиняли жаркое

 в чаду и дыму

Из надорванных жил, и сердец, и пупков.

Доводилось и мне лезть в котёл самому.

И теперь я готов, совершенно готов.

Вилка входит меж рёбер легко, глубоко.

А казалось, вчера

 был ещё сыроват.

Жизни долгой тягостное молоко

Пролилось поверх кружек и ртов не попад.

Толпы иуд

Толпы иуд
Восстание масс порождает толпы иуд.
Хосе Ортега-и-Гассет
Стерпится,
 не переполнится чаша терпения,
Сотворена из того же рожна,
Что и небес узловатые хитросплетения,
И милой родины закрома.

Не ропщу.
Претерпеваю по всякому поводу:
Зиму счастливую, радостный снег
Лепит в лицо.
Прячу низко гудящую голову
В толпах иуд, переходящих калек.
Вольною нивой шумят,
 расплодилось во множестве
Семя иудино,
 в ширь площадей.
Гневом, обидами воздух дрожит и корёжится,
Выдохом самых несчастных людей.

Волей господней наследники и продолжатели
Тайного дела, торопит их страсть
Крови искать,
 крови чёрной глубинной искатели.
Отворена чернозёмная пасть.

Сколько их?
Бродят, теснятся, измену предчувствуя,
Деньги берут, им без денег не быть.
Впрочем, всё зря,
 тот, не здешний,
 не виден,
 отсутствует.
Нету его,
 и нельзя ничего изменить.

Пьеса

Суверенность, последние дни,
 времена победительной лжи.
Когда врут повсеместно, азартно, со вкусом,
 смеясь и скорбя,
Когда знаешь заранее, что ни замысли,
 о чем ни скажи,
Твоё слово используют неукоснительно
 против тебя.
Сторожить тебя будут, испытывать, брать на испуг,
 на излом.
До копейки оценят нутро, подноготную суть,
 нрав, кураж.
Как легко переносишь ты камень на сердце,
 смешки, в горле ком,
И насколько комфортно тебе в бесконечности
 купли-продаж.
Эпизод поучительный, только урока, увы,
 не извлечь.
Место действия – юность, колодки на старте, вокруг —
 край земли.
Двое – он и она, полюбив, расщепляли
 сращенную речь.
Извлекали себя из таблиц, расписаний.
Извлечь не смогли.
Все закончилось как-то невнятно, ненужно,
 в толпе, в болтовне,
Уходя от погони, зашли далеко,
 да и спрыгнули ввысь.
Он ушел на минутку, в тираж, а она
 прислонилась к стене
Разлучились, не веря,
 остались вдвоем,
 одним словом спаслись.

Нина Агафонова

Родилась в Ленинграде.

Закончила Художественную школу номер 1. Стихи пишет с 14 лет. В 80-х посещала ЛИТО Резникова. Первая публикация в газете «СОРОКА» в 1996 г. Издано 9 книг.

Поездка за город

За четыре конца ухватились,
Встряхнули и растянули
Неба белое полотно
И вбили над головою
Синие гвозди звёзд.
Воткнули тёмные ели
Густо по горизонту,
И распахали поле
Широким гребнем своим.
А в правом углу декорации
Карминною краской раскрасили
И через всё написали:
«Время года – Весна».
Кто это сделал, не знаю.
Но меня туда поселили —
В пространство, где небо и звёзды,
Чёрные пашни и лес,
Наступающий от горизонта
Тревожным смятеньем своим.
И вентилятор небесный
Погнал над селеньем ветер,
И в сердце моё вселилась
Причастность к живущим здесь.

Мне с тобой, как ветру в поле

Мне с тобой, как ветру в поле,
И свободно, и легко.
Мне с тобой, как барке в море,
Уплываю далеко.
Мне с тобой, как ливню ночью,
Всё, что на сердце, пролью.
Мне с тобой... Без ставки очной
Дам признание – люблю!

Прекрасен дождь в ночи!

Прекрасен дождь в ночи!
Стучат, дробя по крыше,
Бессмертные ключи
От вдохновенья свыше!
Никто не повернёт
Моих шагов обратно,
И мой ночной поход
Озвучен им бесплатно!
Под дробное «Спеши!»
Под проливное «Тише!»
Стучат в ночи шаги
В аранжировке свыше!

Олег Ильин

Родился в Таллине 24 июля 1972 г. Работал мелким бизнесменом, учителем, преподавателем колледжа, вуза, гимназии и т. д., продавцом, охранником, курьером, техническим специалистом, дистрибьютором, менеджером по продаже канцелярских товаров, менеджером по продаже.

Окуная перо в инфернальную кровь

Окуная перо в инфернальную кровь,
Вывожу на тетрадном листке:
«Я уйду навсегда под покров облаков
С рюкзаком на плече налегке».
И под светом Луны
В серебристых полях
Буду трогать руками траву.
И с блаженной улыбкой на влажных устах
Я тихонько тебя назову.
И в сиянии лунном, в мерцании звёзд
В тишине многозвёздной ночи
Вдруг возникнет в руке виноградная гроздь,
И забьют вдохновенья ключи.
Твой божественный лик, мириады миров,
Лёгкий ветер в ночной тишине.
И течет по земле инфернальная кровь,
Тайным светом блестя при Луне.

Письмо

Оле Беловой

Искренне Ваш, с позволения Юпитера, Бык.
Подписываюсь копытом.
Письмо принесёт енот
В коробочке из малахита.
(За вчерашнее дал ему втык...)

Коробочку можете взять себе —
Это подарок Вам.
Губернатор Айовы сказал:
«Гвод лицет Йови,
Нон лицет мне». Ну и пусть!
Подумаешь, грусть!
Я не Йови, и я не тоскую.
Но мечтаю о Вас, моя милая Божья Коровка.

Ты возмёшь меня в небо?
Мы с тобой улетим в облака.
Дурака! Дурака – губернатора
Богом забытой Айовы
Мы увидим с разинутым ртом,
С запрокинутой вверх головой.

«Хватит пялиться в небо! Домой!» —
Заворчит ему вайф на крыльце,
Поварёшкой махая в руке,
Оправляя измятый передник.

И баптист-адвентист проповедник
Лишь тихонько вздохнёт, глядя
Через окно в наш полёт
Над полями Айовы.

Искренне Ваш, с позволения Юпитера, Бык

Вороны каркали.
Листы роняла осень.
Будильник ставился на восемь.

И пара глаз девичьих вглядывалась в мглу.
Десятый класс. Незримая в углу
Остатка дня перебирала крохи.

Всё тяжелее, продолжительнее вздохи.

Бродяжка-кровь бесцельно в жилах бродит,
Сама себе чего-то говорит.

Незримых демонов ватага колобродит —
Мятежный сон девичий сторожит.

А ночь, как ткань, укутала сполна,
Опутала, укрыла, спеленала.

И в лабиринтах демонического сна
Блуждает девушка, предчувствием полна,

Спонтанно шевелясь под одеялом.

Вороны каркали

Унеси меня вдаль,
Как Харон, на последнем пароме.
Чтоб не видеть ни зги
В пустотелой ночной тишине.

Чтоб я чувствовал Ночь
Ничего не желающей – кроме
Моего восхищенья в душе,
Обращённого к ней.

Унеси меня в Ночь,
Убаюкана тёмным пространством,
Что мешает уснуть,
Пред глазами во тьме шевелясь.

И тяжёлая Вечность
С тяжёлым своим постоянством
Воцарилась в пространстве,
И яблоку негде упасть.

Я люблю вспоминать
Первозданность в первичном наряде,
Ощущать невесомость
Осколков вселенского льда

И увидеть внезапно
В таинственном тихом обряде
Зарождение жизни —
Сейчас, насовсем, навсегда.

Расцветают цветы,
Улыбаются тихие зори.
Поднимается Солнце —
Глубокое море тепла.

И тихонько на луг,
Взявшись за руки, Первые Двое
Осторожно выходят,
Чтоб жизнью напиться сполна.

Унеси меня вдаль

Вот фарфоровая кукла
Мне кивает головою.
Канарейки пляшут танго
На краю пустых кастрюль.

Перезвон хрустальной люстры,
Дребедень сервиза в полночь
Музыкальным служат фоном,
Звукорядом до мажор.

И сквозь стену – еле видно —
К нам плывет Антуанетта
В платье пышном, и с лорнеткой,
И в перчатках до локтя.

Помавая головою,
Улыбаясь еле слышно,
Взглядом глаз Антуанетта
Нас пронзает навсегда.

И врезается звенящий брошен кортик
В древесину.
Постепенно затухают колебания его.

Но потом, с восходом солнца,
Мы внезапно замечаем,
Что не кортик, и не брошен,
Ни тем паче в древесину,
И никто не затухает —
А петух кукареку.

Вот фарфоровая кукла

Мы кормим рыб у кромки водоёма,
Бросая корки.
Берег еле-еле...
Заметно омывается прибоем
Миллиметровых волн.
Молчит Августа. Рядышком фон Дорн
Елизавета
Ломает булку нежными руками.
Порхает зонтик, обрамлённый кружевами.
Порхает локон, выбиваясь из-под шляпки.
По камышу ползёт задумчивый жучок...
Возница Шульц, присев на облучок,
Блаженно дремлет,
Трогая во сне
Внушительную талию Гертруды.
Гертруды, что в таверне «Вальд унд Химмель»
В огромных кружках пиво подаёт.
Неся в руках, как водится, двенадцать
Одновременно пенистых литровок,
Летя походкою своею меж столов,
Точь-в-точь как бабочка с цветочка на цветочек
Порхает на лугу у Дюссельдорфа.
Дополз до края камыша жучок...
Елизавета теребит рукою шляпку,
Давно уж сняв её зачем-то с головы.
И аромат её божественных волос,
Перемешавшись с запахом лаванды,
Кочует по долине Дюссельдорфа.

Мы кормим рыб у кромки водоёма

О, мозги мне прочисть канифолью!
Насладись этой странною ролью.
Подстриги мне всю шерсть, будто бляшка я.
И рубашку сильнее затяни.

Мне стонать, лицезреть, возноситься ли.
«Пшол!» – кричать или быть мне возницею?
Грея руки свои рукавицами,
Глядя в то, что зовётся «зима».

Или пусть опуститься мне в проруби,
Так чтоб рядом гуляли бы голуби,
Чтобы щук из-под ледной рыбалки
Мне мерещились всюду хвосты.

Чтобы хруст ненадёванных чоботов
Мне по снегу бы слышался в холоде,
Чтоб козёл со своим колокольчиком
Пропадал бы в звенящей дали.

Чтоб тулуп, замерзая ли, грея ли,
Мне шептал за Мазая ли, Нея ли,
Мол, в степи индевеет шинелями
Бонапартова шантрапа.

И очнувшись, встряхнувши ресницами,
Я вздохну с упорхнувшими птицами,
И опять, чтоб взаимно присниться,
Мы друг другу посмотрим в глаза.

Лене Бородулиной

О, мозги мне прочисть канифолью!
Насладись этой странною ролью.
Подстриги мне всю шерсть, будто бляшка я.
И рубашку сильнее затяни.

Мне стонать, лицезреть, возноситься ли.
«Пшол!» кричать или быть мне возницею?
Грея руки свои рукавицами,
Глядя в то, что зовется «Зима».

Или пусть опуститься мне в проруби,
Так, чтоб рядом гуляли бы голуби,
Чтобы щук из-под ледной рыбалки
Мне мерещились всюду хвосты.

Чтобы хруст ненадёванных чоботов
Мне по снегу бы слышался в холоде,
Чтоб козёл со своим колокольчиком
Пропадал бы в звенящей дали.

Чтоб тулуп, замерзая ли, грея ли,
Мне шептал за Мазая ли, Нея ли,
Мол, в степи индевеет шинелями
Бонапартова шантрапа.

И, очнувшись, встряхнувши ресницами,
Я вздохну с упорхнувшими птицами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.